Князь Александр Невский. Становление полководца и дипломата

Относительно даты рождения Александра Ярославича, второго сына Переславского князя Ярослава Всеволодовича, предположения историков значительно расходятся. Автор придерживается мнения наиболее авторитетного историка XVIII века В. Н. Татищева, пользовавшегося в своё время не сохранившимися до нашего времени летописными источниками, и определённо указавшего, что князь Александр родился 30 мая 1219 г.[1] По традиции, взрослым и способным править наследник княжеского стола считался только с 12 лет. Как сообщает *Новгородская 1-я* летопись княжич Александр был поставлен отцом и дядей Юрием II Всеволодовичем на княжение в Новгород Великий совместно со страшим братом Феодором в 1228 году. Княжичу Феодору уже исполнилось тогда 12. Княжичу Александру шёл десятый год. И если княжич Александр не мог родиться ранее 1219 года, то он не должен был сильно отставать в возрасте от Феодора. Т. о. Александр был оставлен соправителем при Феодоре в целях взросления и получения опыта. Итак, *княжеское служение Александра Ярославича* началась на десятом году его жизни. Княжеское правление в Новгородской республике, учитывая новгородские порядки и вольности, являлось *лучшей школой дипломатического и политического воспитания того времени.* Позже в Новгороде началась усобица, и князь Ярослав отозвал сыновей в Переславль-Залесский.

Воспитание и наследственность

Уместно и необходимо сказать несколько слов о наиболее интересных исторических персонажах – старших представителях «Большого Гнезда» (князьях: Константине, Юрии, Ярославе, Святославе, Владимире, Иоанне). Напомним, что отцом молодого Новгородского князя Александра являлся Ярослав Всеволодович (в крещении Василий). То есть христианское отчество князя Александра – *Васильевич.*

[1] Татищев В. Н. История Российская. Т. III. С. 423.

Но сначала надо вспомнить про деда – Великого князя Владимиро-Суздальского Всеволода Юрьевича (сына князя Юрия Долгорукого). Мало кому известно даже из историков, что князь Всеволод воспитывался, скорее всего, в Фессалонике. По материнской линии он был греком. Его мать Ольга была принцессой из династии византийских императоров Комнинов. В этом плане очень любопытна статья известного отечественного исследователя Г. Я. Мокеева «Мистика Большого Гнезда» [2]. Естественно, что князь Всеволод прекрасно был осведомлен о делах в Империи Ромеев, в частности, знал о захвате латинянами Константинополя в 1204 году (в ходе IV Крестового похода 1202 -1204 гг.), о войне православных государств и народов с западными латинскими завоевателями в Юго-Восточной Европе [3]. Эти знания и свои эмоции Всеволод «Большое Гнездо» передал сыновьям. Немаловажно, что женат он был на осетинской княжне («ясыне») Марии. Осетины же приняли православие ещё в IX веке от самого славянского

[2] Мокеев Г. Я. Мистика Большого Гнезда // Новая деловая книга, № 6, 1998. С. 39 – 43.

[3] Осенью 1204 года войска западных рыцарей переправились в Малую Азию для завоевания Никейского царства (сложившегося в восточных провинциях Ромейской империи). В начале им сопутствовала удача. Но затем ополчение Бруссы разгромило их и отбросило от своего родного города. Это был первых успех ромеев в войне с захватчиками-латинянами. Весной 1205 года латинский император Бодуэн начал подготовку своих главных сил для завоевания восточных греческих провинций. Над Никейским государством нависла смертельная опасность. Но в это время началось восстание греков во Фракии. Следом болгары вторглись на территорию Романии и разгромили западных рыцарей под Адрианополем. Погиб и сам Бодуэн. Новый император латинян Генрих отозвал свои войска из Азии.

К этому времени на Балканах укрепилось Эпирское царство. Его правителем стал энергичный и воинственный Феодор Ангел (1215-1230). Он сплотил вокруг себя феодальные круги Эпира и создал сильное войско. В 1216 году умер латинский император Генрих. Власть латинян в Константинополе зашаталась. Из Франции в 1217 г. на помощь им был послан с войском граф Пьер де Куртене. Но Эпирское войско окружило французских рыцарей в горных проходах и перебило его. Сам Куртене попал в плен и погиб в темнице. После этого Феодор Ангел направил свой главный удар против королевства Фессалоник, где также пустовал королевский престол. Осенью 1224 года Фессалоника пала. Большая часть Македонии оказалась в руках Эпира. Тогда Феодор Ангел венчался как император ромеев (1224-1230).

В 1225 г. никейский император Иоанн Ватац (1222-1254) начал наступление на латинян с востока и решительно погнал их из Малой Азии. Войско никейцев разгромило рыцарей при Пиманионе. Флот никейцев господствовал на севере Эгейского моря и на Геллеспонте. Никейские войска высадились во Фракии и совершали походы до Адрианополя.

С 1205 г. до конца 1230-х гг. полыхала феодальная усобица, и разворачивалось латинское вторжение на Карпатах и на Волыни. В 1214 г. венгерский король Андраш II и польский князь Лешко Белый заключили союз и поделили Юго-Западную Русь. Венгерский королевич Кальман был венчан как король Галича. Большая часть Волыни досталась Польше. Однако V-й крестовый поход отвлёк силы венгров от событий в Русской земле. В период с 1218 по 1222 гг. князь Мстислав Удалой с помощью половцев изгнал венгерских и польских рыцарей из Галиции и Подолии. Вторжение венгров повторилось в 1226 г., но было отбито князем Мстиславом. Польские захватчики также не оставляли попыток овладеть Юго-Западной Русью.

Между тем на Балканах войска Эпира взяли Адрианополь и вышли к Чёрному морю. Воины Феодора Ангела готовились к осаде Константинополя. Латинская знать заперлась в городе и трепетала от страха. Казалось, дни Латинской империи – Романии были сочтены.

просветителя Кирилла (Константина). В жилах Всеволодовичей текла горячая греческая и осетинская кровь. Особенно это было заметно по характеру пассионарных: Юрия, Ярослава и Владимира Всеволодовичей. Менее пассионарными, видимо, были: Константин, Святослав и Иоанн. Итак, все они, особенно старшие, прекрасно знали, что творится в Малой Азии, на Балканах, в Прикарпатье, а тем более в Балтии. Возможно, здесь кроется одна из главных причин их *бескомпромиссного противостояния латинским завоевателям на западных рубежах Русской земли*. Эти знания и эти эмоции унаследовали и многие представители второго поколения птенцов «Большого Гнезда», к числу которых принадлежал князь Александр. Что же касается материнской линии, то очень важно отметить, что дедом князя Александра по линии матери был известнейший русский полководец первой четверти XIII века – князь Мстислав Удалой.

На Новгородском столе князь Ярослав в очередной раз оставил уже повзрослевших сыновей Феодора и Александра в начале 1231 года. Страшными и тяжёлыми были та голодная зима и весна для Новгорода. Дороговизна и голод свирепствовали. Люди вынуждены были есть: конину, собак, кошек, мох, сосновую и липовую кору, «кто, что како замышлить». Дошло до того, что иные стали есть мертвечину, срезая плоть с тупов. Среди простонародья появились случаи преднамеренного убийства людей и каннибализма. Начались массовые отравления и болезни. «А инии осочивше тако творяще, ово ихъ огнемъ жгоша, а другыхъ осекоша», - свидетельствовал новгородский летописец [4]. В городе начались грабежи и поджоги. *Княжеская власть, одной из главных задач которой были суд и наведение порядка, должна была функционировать безотказно. И надо думать, молодые князья (особенно старший князь Феодор) именно тогда проявили себя, как справедливые и твёрдые правители*. Мертвецов, что лежали непогребенные по улицам, и по торгу, и по Великому мосту, изъедаемые псами, стали хоронить в скудельницах. Одну отрыли в конце

[4] ПСРЛ. Т. IV, часть 1-я. Новгородская 4-я летопись. Пг., 1915. С. 210.

Чудинцевской улицы, другую - на Коломне (Колоне) за храмом Святого Рождества и обе были полны покойников, которым не было числа. В ту же пору в Смоленске от голода и болезней умерло около 32 тысяч человек, что были похоронены в 4-х братских могилах. Можно предположить, что за осень 1230 - весну 1231 г. в Новгороде погибло более 20 тысяч человек. Положение стало поправляться уже поздней весной, так как появилась первая зелень и люди начали делать отвары из неё.

Скорее всего, по подсказке новгородских сподвижников юные князья ещё на исходе зимы отправили санным путём (заблаговременно до открытия навигации в Финском заливе, на Неве, Ладоге, Волхове) торговых агентов в крупные портовые города Северной и Западной Балтии. С началом навигации немецкие купцы из Ливонии и «изъ Заморья» (ганзейцы) подвезли в Новгород «жито и муку» на своих кораблях, сбили дороговизну, и продовольствие стало доступно простонародью. Вероятно, небольшие обозы с продовольствием пришли и из Низовских земель, так как князь Ярослав открыл все торговые пути в Новгород.

Историки точно не знают, кого сосватали за старшего сына князя Ярослава. Ясно одно, он никогда не видел и не любил этой нареченой ему невесты. Уже «свадьба же бе пристроена, меды сварены, невеста же приведена бысть, князи позваны быша;», - писал летописец, и вдруг, - «бысть во веселие место плачь и сетование за грехи наша». Ясно ещё и то, что внезапная смерть Феодора покрыта сокровенной тайной и вызвана личной трагедией. Однако слова новгородского летописца (не исключено, как-то сопричастного тайне княжеского дома): «Господи! Слава Тобе, небесныи Царю, изволишю ти тако, и покои его съ всеми праведными», - позволяют утверждать, что эта смерть не была следствием самоубийства. Гибель молодого князя отозвалась большим горем среди новгородцев. Вызвано оно было памятью о тяжелейших испытаниях, пережитых ими совместно с князем, его заботах о Новгороде. Тем же годом в память о добром, рано

ушедшем правителе, над каменными, башенными вратами, ведущими из Детинца в Неревский конец города, новгородцы поставили храм с престолом святого Феодора. Спустя века ворота были заложены, башня перестроена, но название Фёдоровской она хранит до сего дня. Что же касается семейных и кровных уз, что всегда было связано в княжеских гнёздах русского и европейского средневековья с политикой, то итогом этой смерти стала для Ярослав Всеволодовича утрата самого опытного из сыновей - старшего наследника и помощника. В XIX столетии среди отечественных историков бытовало мнение, что ранняя смерть князя Феодора Ярославича была неким провидением, ибо этим избавила князя Александра от сильного соперника в борьбе за власть. Видится, что это мнение глубоко ошибочно. Старшие сыновья князя Ярослава росли, воспитывались в единомыслии и дружбе, иначе отец никогда бы не оставил их соправителями на новгородском столе в юном возрасте. Для второго сына Ярослава Всеволодовича - Александра, заступившего на место Феодора, преждевременная смерть старшего брата со временем стала утратой потенциального единомышленника и сподвижника, каковыми на протяжении жизни являлись его дядя Юрий и отец Ярослав Всеволодовичи. Так с июня 1233 года на первый план новгородско-балтской политики, проводимой великокняжеской Владимиро-Суздальской династией, всё явственнее выдвигается фигура тогда ещё юного князя Александра Ярославича, которому шёл 15-й год.

Начало военной деятельности

В 1233 году ливонцы обрушили очередной удар на Новгородские рубежи. Они захватили порубежную русскую крепость Тёсово. Ими были взяты русские пленники. Затем произошло сражение с ливонцами у Изборска, где русские также взяли пленных. 1234 год оказался не менее горячим и насыщенным военными событиями, чем предшествующие. Вскоре после того, как завершился обмен пленными (возможно, и частичный их выкуп), князь Ярослав Всеволодович предпринял ответный ход. Вероятно,

он провёл свои полки в Чудскую землю, форсировав реку Нарову близ её истоков. Русское войско было в основном конным и мобильным (скорее всего 3 - 4 тысячи воинов). *Молодой Новгородский князь Александр не мог не сопровождать отца и вероятно, возглавлял конный новгородский полк*. Во второй половине весны русские неожиданно появились близ стен Дерпта. Местное ополчение, собранное из немцев и эстов на скорую руку, спешно переправилось на левый берег реки Эмбах. Дерптцы успели подать известие и в Оденпе о вторжении русских. Оттуда на помощь Дерпту выступил отряд. Видимо, в его составе были только немцы и унгаунийские эсты, ибо русская военная эмиграция была еще ослаблена прошлогодним поражением под стенами Изборска. Однако, основные силы ливонцев не успели вовремя переправиться через реку и подойти к месту решающих событий. Сеча развернулась восточнее Дерпта. Русская конница нанесла сокрушительный удар сторожевому ливонскому полку. «И князь Ярославъ с Новгородци биша ихъ (ливонцев) до реце, на Омовыже (Эмбахе) Немци обломишася, истопоша ихъ много, а инии уязвени вбегоша въ Юрьевъ, а друзии в Медвежию Голову», - писал новгородский летописец. Т. е. русские полки прижали ливонцев к левому берегу реки, а те, отступая и спешно переходя реку, стали тонуть. Отступление и гибель ливонского авангарда переросло в общее бегство ливонского войска уже на правобережье реки. Причём, отряд из Оденпе не успел соединиться с ополчением из Дерпта. Дерптцы бежали и укрылись за стенами своего города. Оденпцы вынуждены были отступать. Русские конные полки не стали осаждать хорошо укреплённых немцами городов, но разорили их округу и взяли большой полон. Тогда «поклонишася Немци князю; и, смирившеся», что означало заключение мира или долгого перемирия. После чего русские полки «отъидоша» восвояси [5].

Сражение, произошедшее на берегах Эмбаха весной 1234 г., стало началом важнейших перемен в судьбе Ордена Меченосцев. Победа русских войск под рукой князя Ярослава Всеволодовича и события, последовавших

[5] ПСРЛ. Т. IV, часть 1-я. Новгородская 4-я летопись. Пг., 1915. С. 213 – 214.

трёх лет, временно остановили германско-латинскую экспансию на земли Русского Северо-Запада, привели Орден к глубокому политическому кризису и реорганизации. Отдельные отечественные историки предполагают, что битва на Эмбахе близ Дерпта произошла в марте. Однако летописные свидетельства скорее противоречат этому, чем подтверждают данную точку зрения. Во-первых, переговоры с немцами в Оденпе, выкуп пленного русского воеводы Кирилла Синкинича и тёсовских пленников по сообщениям Новгородской 4-й летописи продолжались «до Великого говения», т. е. до Великого поста, который в том году начался 4 - 5 марта (Пасху встречали 23 апреля). Начать военные действия сразу после переговоров, выкупа пленников и установления пусть ненадёжного перемирия вряд ли входило в планы русских князей и новгородского правительства. Во-вторых, для сбора войск необходимо было время. Одновременно было бы неразумным начинать поход в Чудскую землю в условиях приближавшейся весны и распутицы на дорогах. Слова же летописи о том, что «князь Ярослав с Новгородци биша их (немцев) до реце, на Омовыже Немци обломишася, истопоша их много...» никоим образом не подтверждают, что на реке Эмбахе стоял мартовский лёд. Стремление отдельных отечественных историков сравнить битву на Эмбахе с Ледовым побоищем и преподнести её как некую репетицию грядущих событий выглядит достаточно тенденциозно. Скорее всего, события на Эмбахе произошли уже после Пасхи 1234 г., когда весна завершалась, когда подсохли дороги Северной Балтии и немецкая угроза русским рубежам вновь вполне определилась. В данных условиях поход князя Ярослава Всеволодовича в земли Ордена носил характер упреждающего удара. Свидетельства новгородских летописей о том, что «на Омовыже немци обломишася, истопоша их много» в тех условиях означали, что сопротивление немецких войск было сломлено полностью лишь на берегу реки и на прибрежном мелководье, а далее последовали бегство и избиение

отступавших. ***Но для шестнадцатилетнего князя Александра это было первое боевое крещение!***

Дипломатия.

Особо ярко дипломатические способности были явлены у дяди Александра – у Юрия II (Георгия) Всеволодовича. Но и отец Александра в конце жизни также проявил их. Всем известно, что во время осенне-зимней кампании 1237-1238 годов, когда монголо-татары обрушили первый удар на Русские земли в битве на реке Сити погиб Великий князь Юрий II, а немногим ранее в осаждённом и взятом монголами Владимире, вся его семья. Великим князем по праву наследования стал Ярослав Всеволодович, и это также изменило политическую ситуацию. Можно обвинять князя Ярослава в том, что он не торопился прийти на Сить и оказать помощь старшему брату. Но, во-первых, была суровая и снежная зима, а от Киева до Сити по прямой более тысячи вёрст пути. Во-вторых, Ярослав повёл свои полки из Киева не по прямой, а в обход ещё не тронутых войной земель, *враждебных ему Черниговских князей*. Наверно, он двинулся вверх по Днепру до Смоленска, а уже из Смоленска пошёл на Можайск - Москву - Владимир. В-третьих, мы не знаем, когда известия о вторжении монголо-татар достигли Киева и насколько серьёзно эти известия были восприняты там. Вспомним, что Великий князь Юрий II, являлся сильнейшим среди всех русских князей того времени. Но то, что Ярослав действительно не успел на Сить, а пришёл уже в разорённый Батыем Владимир, было очень важно. Он был хорошим военачальником, но пришлось стать и дипломатом. Ярослав, слышал о призывах Батыя, приглашавшего русских князей к себе на службу. В глазах современников это означало признание вассалитета. Тем более, в их же глазах хан Батый являлся «царём». Русские властители назывались князьями, а царь в системе феодальной иерархии и по представлениям той эпохи выше князя. Кесарями (царями) тогда именовали только германских и византийских императоров. Так или иначе, но князь Ярослав очень быстро и

со всей очевидностью понял, что необходимо немедля дипломатическим путём спасать Новгород, где княжил князь Александр. Там же находилась вся семья Ярослава, бежавшая от монголов из Переславля-Залесского на запад. Что Ярослав мог предложить Батыю? В первую очередь свою службу, покорность и дань. Видится, что монголо-татарская рать, не дошедшая 100 вёрст до Новгорода Великого, остановилась у Игнача креста, не из-за «ранней распутицы». Остановили её огромные потери в войсках и дипломатические переговоры, начатые между князем Ярославом и Батыем. В итоге Батый ушёл на юго-восток, не тронув Новгорода Великого. Он обрушил всю силу своих войск на земли Чернигово-Северского княжества, враждебного Ярославу и Владимиро-Суздальскому княжеству. Первым на пути монголов в этом отступлении на юго-восток и стал Козельск, принадлежавший Черниговским князьям. Но с этого времени земли Русского Северо-Востока и Северо-Запада признали вассальную зависимость от орды Батыя. Так было положено начало союза великих князей Владимирских (затем Московских) с Ордой против латинской агрессии. Этого курса уверенно придерживался и наследник Великого князя Ярослава – Александр Ярославович.

Первый этап войны 1240 – 1242 годов против Ливонско-Тевтонского Ордена связан с освобождением Копорья князем Александром Невским (победителем шведов на Неве в 1240 году). Новгородская 4-я летопись, однозначно утверждает, что после взятия Копорья и изгнания ливонцев из Водской земли на исходе 1241 года князь Александр оставил Новгород. Он уехал в стольный Владимир к отцу – князю Ярославу. Великий князь Ярослав и его старший сын в тесном кругу единомышленников приняли важное решение. «В лето 6749 иде Александръ к Батыю царю», - засвидетельствовано новгородским летописцем [6]. Это сообщение рядом отечественных исследователей воспринимается критически. Ряд исследователей скептически заявляет, что нельзя исключить поездки князя в

[6] ПСРЛ. Т. 4. Часть 1-я. Новгородская 4-я летопись. М., 2000. С.228.

ставку Батыя на Волгу осенью 1241 - зимой 1242 года. Отметим, что князь Александр Ярославич не мог оказаться тогда на берегах Волги. Но он явно встречался с Батыем и заручился поддержкой хана. Возможно, встреча с Батыем произошла где-то в Юго-Западной Руси, но ещё вероятнее - за Карпатами у Дуная - на территории Венгерского королевства. Если основные силы монголо-татар воевали тогда в Центральной Европе, где мог быть тогда их полководец?

Но могло ли успеть русское посольство сделать столь дальний марш-бросок. От Владимира-на-Клязьме до Киева около 1.000 вёрст пути. Такое же расстояние от Киева до Эстергома – средневековой столицы Венгрии. Зимним, санным путём, налегке, без обоза и пеших войск этот путь можно преодолеть за месяц (60-70 вёрст в сутки). Столько же потребовалось для возвращения. Т. о., князь Александр возвратился во Владимир к исходу января 1242 года. Видимо, после этих переговоров брат хана монгольский темник Хорду вторгся в южные земли Тевтонского Ордена. Так был скоординирован русско-монгольский удар по владениям Ордена в Прибалтике [7]. В этой войне на стороне русских оказались Литва и пруссы. От берегов Эгейского и Адриатического морей до восточных берегов Балтики складывался единый фронт борьбы с западными латинскими завоевателями. Новгородская земля и Балтия стали правым флангом этого фронта.

[7] Абрамов Д. М. Византия и ее северные соседи VIII – XIII вв. Очерки. Ч. 2. / Ученые записки МКЛ, № 3. М., 2002. С. 114.